

III.

ДЕЛЬВИГЪ.

(Полное собрание сочинений русскихъ авторовъ.
Сочиненія Нелединскаго-Мелецкаго и Дельвига. Изданіе Алекасандра Смирдина. Спб. 1850.)

СТАТЬЯ ВТОРАЯ (*).

III.

Первыя впечатлѣнія Дельвига по выпускѣ изъ Лицея. — Его частная жизнь, убѣжденія, лѣнь и беззаботность. — Вызванныя ими вѣсѣлки. — Служба Дельвига. — Его участіе въ литературныхъ обществахъ. — Отношенія Дельвига къ некоторымъ изъ современныхъ писателей, и преимущественно его дружба съ Баратынскимъ. — Ихъ стихотворная переписка и взаимныя восхваленія. — Начало литературной войны съ ново-романтиками. — Журнальныя ополченія.

Новый образъ жизни, который начался для Дельвига съ выпускомъ его изъ Лицея, ея новая обстановка, новыя отношенія, далеко непохожія искренностью и простотою на прежнія, не равъ представляли его жалѣть объ этой перемѣнѣ и вспоминать о Царскомъ Селѣ, гдѣ, въ тѣсномъ, дружескомъ кружкѣ, безмятежно прошли лучшія шесть лѣтъ его жизни. Самый выпускъ, за которымъ слѣдовала разлука съ друзьями, возбуждалъ въ немъ болѣе сожалѣнія,

(*) Первая напечатана въ февральской книжкѣ «Современника» нынѣшняго года.

нежели радости, и Дельви́гъ ожидалъ этого дня съ какимъ-то тяжелымъ предчувствіемъ. Нѣкоторымъ доказательствомъ этой грустной и тревожной недоуверчивости, съ которою онъ смотрѣлъ на будущее, можетъ служить написанная имъ передъ самымъ выпускомъ изъ Лицея, и нигдѣ еще не напечатанная слѣдующая элегія (октавами) :

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

« Я рѣдко пѣлъ, но весело, друзья!
 Моя душа свободно разливалась.
 О царскій садъ, тебя ль забуду я?
 Твоей красой волшебной оживлялась
 Проказница фантазія моя,
 И со струной струна перекликалась
 Въ согласный звонъ, сливаясь подъ рукой,
 И вы, друзья, любили голосъ мой.
 Вамъ пѣсни въ даръ отъ сельскаго поэта!
 Любите ихъ за то хоть, что мои.
 Богъ вѣсть, куда умчитесь въ шумѣ свѣта
 Всѣ вы, друзья, всѣ радости мои?
 И, можетъ быть, мечты моей Лилета
 Тамъ будетъ мнѣ мученіемъ любви;
 А даръ пѣвца, лишь вамъ въ пустынѣ милый,
 Какъ василекъ, недоувететъ унылый. » (*)

(*) Изъ рукописной тетради стихотвореній Дельвига, сообщенной П. А. Плетневымъ.

По отпечатаніи первой статьи о Дельви́гѣ автору ея удалось найти, совершенно неожиданно, три тома рукописей Дельвига. Покойный поэтъ, не задолго до смерти, подарилъ эти рукописисвоему другу П. А. Плетневу, который и представилъ ихъ въ полное распоряженіе автора предлагаемой статьи. Два первые тома заключаютъ стихотворенія (большую часть въ хронологическомъ порядкѣ), между которыми нашлось *сорокъ-одно* стихотвореніе и нѣсколько отрывковъ еще неизданныхъ. Мы постараемся познакомить съ нѣкоторыми изъ нихъ нашихъ читателей. На первый случай представимъ въ этой же статьѣ нѣсколько такихъ неизданныхъ стихотвореній и нѣсколько отрывковъ. Въ третьемъ томѣ заключаются прозаическія статьи Дельвига, преимущественно статьи полемическія и рецензіи новыхъ книгъ, печатавшихся безъ имени въ «Литературной Газетѣ»; слѣдовательно, всѣ безыменныя статьи Дельвига теперь могутъ быть опредѣлены, что объясняетъ, между прочимъ, нѣкоторые темные вопросы въ журнальной полемикѣ того времени. Найденныя рукописи не составляютъ какогонибудь важнаго приобрѣтенія для литературы; но для монографіи о Дельви́гѣ—онѣ весьма существенное пособіе, и потому авторъ считаетъ обязанностью благодарить П. А. Плетнева за сообщеніе этихъ важныхъ для критика и біографа матеріаловъ.

Въ первой статьѣ о Дельви́гѣ мы, не имѣя еще подъ рукою этихъ данныхъ, исчисляли напечатанныя въ разныхъ изданіяхъ и пропущенныя въ смирненскомъ собраніи стихотворенія Дельвига. Изъ находящихся у насъ рукописей оказывается, что Дельви́гу принадлежатъ еще, по крайней мѣрѣ, два напечатанныхъ сти-

Предстоящая разлука производила совершенно другое впечатлѣніе на Пушкина. Онъ ожидалъ ее съ полною, беззаботною веселостью, которой не нарушало ни одно темное предчувствіе. Вотъ, напримѣръ, что онъ писалъ

КЪ ТОВАРИЩАМЪ ПЕРЕДЪ ВЫПУСКОМЪ.

« Промчались годы заточенья:
 Не долго, милые друзья,
 Намъ видѣть кровь уединенья
 И царкосельскія поля.
 Разлука ждетъ насъ у порогу;
 Зоветь насъ свѣта дальній шумъ,
 И каждый смотритъ на дорогу.
 Въ волненьи юныхъ, пылкихъ думъ. »

Изобразивъ далѣе будущность, ожидавшую многихъ своихъ товарищей, Пушкинъ обращается къ самому себѣ :

« Лишь я, судьбѣ своей послушный,
 Счастливой нѣги вѣрный сынъ,
 Душой безпечный, равнодушный,
 Въ постели задремалъ одинъ (*) ».

Этому равнодушію поэтъ ни разу не измѣнилъ во всю жизнь. Слѣдовательно, личныя впечатлѣнія обоихъ друзей-поэтовъ при предстоявшей имъ разлукѣ были совершенно противоположны, если только допустить, а это весьма возможно, искренность до нѣкоторой степени въ обоихъ стихотвореніяхъ : Дельви́гъ сожалѣлъ о разлу-

хотворенія, именно : *Е. А. Б...вой* (отсылая ей за годъ предъ тѣмъ для нея написанные стихи), съ подписью *Д.*, въ «Благонамѣренномъ» 1820 года (часть IX, № 1, стр. 116), и *Эпиграммы рецензенту поэмы Русланъ и Людмила* (изъ двухъ принадлежитъ Дельви́гу первая — навѣрно, а можетъ быть, и обѣ), въ «Сынѣ Отечества» 1820 г. (часть 64, № XXXVIII, стр. 283); слѣдовательно, всѣхъ пропущенныхъ у г. Смирдина изданныхъ стихотвореній Дельвига уже не 32, какъ сказано въ первой статьѣ (стр. 31), а 34.

Замѣтимъ кстати, что напечатанное въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 26, 1833 г., стр. 270) извѣстіе о находкѣ этихъ рукописей, должно быть, заимствовано изъ самаго невѣрнаго источника, потому что въ немъ все, начиная съ незаслуженныхъ похвалъ этому этюду и подробностей объ авторѣ, даже ему самому неизвѣстныхъ, до количества найденныхъ стихотвореній — несправедливо. Не касаясь перваго, скажемъ только, что неизданныхъ стихотвореній Дельвига нашлось не только болѣе двадцати-пяти, какъ сообщаетъ торопливый корреспондентъ, а болѣе сорока.

(*) Стихотвореніе, изъ котораго припедены эти два отрывка, напечатано, въ числѣ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, въ IX томѣ его сочиненій (стр. 397). Авторъ предлагаемой статьи видѣлъ автографъ этого стихотворенія у бывшего директора Лицея Е. А. Зигельгарда.

къ съ друзьями, полагая въ нихъ «всѣ свои радости», и ждалъ этого дня съ тревожнымъ предчувствіемъ; Пушкинъ весело и беззаботно смотрѣлъ впередъ, заранѣе распредѣляя судьбу своихъ товарищей и предоставляя себѣ только нѣгу и беззаботность.

Черезъ нѣсколько дней по вынискѣ изъ Лицея, Дельвигъ поѣхалъ на свиданіе съ родными въ Полтавскую губернію, гдѣ, какъ уже сказано въ первой статьѣ (стр. 63), отецъ его находился на службѣ. Передъ отъѣздомъ, Дельвигъ написалъ слѣдующее стихотвореніе въ альбомъ къ своему лицейскому товарищу И. И. П — пу:

«Прочтя сіи набросанныя строки
Съ небрежностью на памятномъ листкѣ,
Какъ не узвать поэта по рукѣ?
Какъ первые не вспомнать уроки,
И не сказать при дружескомъ столѣ:
Друзья, у насъ есть другъ и въ Хоролѣ?»

Стихотвореніе это, пропущенное въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига, напечатано въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1817 года (августъ, стр. 228) подъ заглавіемъ *Къ П — пу. (Въ альбомѣ)*, съ подписью: *Хорольскій житель на время, — Д — (1)*. Дельвигъ недолго прожилъ въ Малороссіи: въ іюль того же (1817) года онъ былъ опредѣленъ на службу, и потому долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ. Онъ поселился въ Троицкомъ переулкѣ, вмѣстѣ съ братомъ одного изъ своихъ лицейскихъ товарищей П. Л. Яковлевымъ (2), авторомъ романа «Удивительный человекъ» (3). Несмотря на собиравшееся у нихъ веселое пріятельское общество, Дельвигъ долго не могъ забыть Царскаго Села. Вотъ что писалъ онъ

(1) Въ первой нашей статьѣ, при исчисленіи пропущенныхъ въ смурдинскомъ изданіи стихотвореній Дельвига, сказано (стр. 50), что это стихотвореніе написано Пушкину. Это — опечатка, случившаяся по сходству фамилій; слѣдуетъ: *Пушину*.

(2) Сообщено кн. Д. А. Э.

(3) Отрывки изъ этого романа были напечатаны въ №№ 8, 9, 10 и 12 «Литературной Газеты» 1831 года и въ пятой книжкѣ «Телескопа» 1831 года. Отдѣльно романъ явился въ томъ же году въ пяти частяхъ. Въ «Сѣверномъ Меркуріѣ», литературной газетѣ, которую издавалъ Бестужевъ-Рюминъ въ 1830 и 1831 годахъ, былъ напечатанъ (№ 72, 1831 г., стр. 292) слѣдующій лаконическій отзывъ объ этомъ романѣ: «Г. Яковлевъ имѣлъ терпѣніе написать этотъ романъ: *Удивительный человекъ!*» — «Московскій Телеграфъ» (1831 г., апрѣль, № 7, стр. 396, также весьма лестно высказалъ свое мнѣніе объ этомъ произведеніи. Гораздо свиходительнѣе отзывались о немъ «Телескопъ» 1831 г., № 11, стр. 377, и «Литературная Газета» (1831 г., т. III, № 34, стр. 278), конечно, имѣя въ виду, что не задолго до того они представили своимъ читателямъ отрывки изъ романа.

къ Яхонтову, своему лицейскому товарищу (2-го курса), скоро послѣ выпуска изъ Лицея:

«Не мило мнѣ на новосельѣ;
Здѣсь все увяло, тамъ цвѣло.
Одно и есть мое веселье:
Увидѣть Царское Село!
Цвѣтку милѣй своя поляна,
(Тамъ зналъ онъ радости одинъ!)
Чѣмъ яркіе края стакана,
Гдѣ бѣдный вянеть на окнѣ.
И пусть при свѣтлой тишинѣ
Небесъ проснувшихся Свѣтлана
Не налюбуется цвѣткомъ
Въ высокомъ теремѣ своемъ;
Пусть окронитъ его слезою
И будетъ нѣжно прижимать
Къ груди, нескрытой подъ платою,
Моля его — не увядать, —
Увянетъ! — Я жъ скажу прекрасной:
Что слезы? сожалѣть напрасно!
Не нужно было бы срывать!»

Это слабое стихотвореніе, пропущенное въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига, напечатано въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 года (часть I, февраль, стр. 87), подъ заглавіемъ «Элегія» (къ Яхонтову), съ подписью *Баронъ Дельвигъ (*)*.

(*) Въ находящихся у насъ рукописяхъ Дельвига стихотвореніе это повторяется нѣсколько разъ: въ томъ видѣ, какъ оно было напечатано, и съ позлѣйшими исправленіями, отъ которыхъ едва ли слѣзилось лучше. Исправленія эти начинаются съ пятой строки, съ которой, для сравненія, и представляемъ стихотвореніе въ новомъ видѣ:

— «Что ты, цвѣточекъ, увядаешь,
Мной сорванный съ родныхъ полей?
Иль, гость веселій, ты не знаешь
Завидной участи своей?
Гордись, гордись! Благоухаешь
Ты въ златѣ лилиныхъ кудрей!» —
«О, кудри мягки, ихъ дыханье
Благоуханій пышныхъ розъ:
Но въ златѣ ихъ мнѣ жизнь — страданье,
А счастье тамъ, гдѣ я возрѣю!»
— Цвѣтокъ мой, гни! Сколько Лилой
Потратится жемчужныхъ слезъ,
Когда сей жалобѣ увялой
Пришлось и ей со мной внимать!
Ты жалокъ мнѣ, цвѣточекъ милый! —
«Что сожалѣть! зачѣмъ срывать?»

Дельви́гъ, дѣйствительно, не преувеличивалъ, говоря, что одно его веселье —

«Увидѣть Царское Село.»

Первые годы по выпускѣ изъ Лицея, даже до 1825 года, онъ очень часто ѣздилъ въ Царское Село и нерѣдко проводилъ тамъ по нѣсколькимъ днямъ. Театры, балы и маскарады, оживлявшіе въ то время Царское Село, привлекали туда не одного Дельвига. Пушкинъ также ѣздилъ туда очень часто. У обоихъ поэтовъ было тамъ множество пріятелей: въ Лицеѣ оставалось еще нѣсколько ихъ младшихъ товарищей; въ гусарахъ гвардіи служили двоюродные братья Дельвига Рахмановы и нѣсколько бывшихъ воспитанниковъ Царскосельскаго Благороднаго Пансіона. Вообще въ пріятеляхъ и знакомыхъ недостатка не было. Кромѣ упомянутыхъ лицъ, Дельви́гъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ служившими тогда въ Царскомъ Селѣ офицерами гвардіи: Пономаревыми, Левашевыми, Сабуровыми, Чернышевскими, Охотниковыми, Воейковыми, Болтинскими, Черевинскими, Нащокиными, Коншинскими, Фулмонами и нѣкоторыми другими. Всѣ они любили Дельвига, и онъ проводилъ въ ихъ обществѣ цѣлыя дни (*).

Воспоминанія о тихой лицейской жизни, даже сожалѣнія о ней, встрѣчаемъ и у Пушкина, несмотря на то, что онъ гораздо легче Дельвига свыкался со всѣми обстоятельствами жизни и довѣрчивѣе его вступалъ на новый, открывшійся передъ ними путь.

Въ своемъ стихотвореніи (безъ заглавія, соч. Пушкина, т. IX, стр. 391), написанномъ, вѣроятно, передъ самымъ выпускомъ изъ Лицея, въ альбомѣ одного изъ его товарищей, Пушкинъ говоритъ:

«Взглянувъ когда нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На время улетѣ въ лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вступи быстра минута прежнихъ дней,
Неволю мирную, шестъ лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размовки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будетъ вновь...
И съ тихими тоски слезами
Ты вступи первую любовь...»

Въ слѣдующемъ стихотвореніи, написанномъ къ тому же лицу, спустя нѣсколько лѣтъ по выпускѣ изъ Лицея, но напечатанномъ,

(*) Сообщено кн. Д. А. Э.

однакожь, въ числѣ лицейскихъ (соч. Пушкина, т. IX, стр. 392), еще искреннѣе выразились эти воспоминанія:

«Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой домъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ, то же утѣшенье!
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней!»

Въ одномъ неизданномъ стихотвореніи Пушкина читаемъ слѣдующія строки:

«Неправда ли, вы помните то поле,
Друзья мои! гдѣ въ прежни дни весной,
Оставя классъ, играли мы на волѣ,
И тѣшились отважною борьбой?»

Но трогательнѣе и восторженнѣе всего выразились эти воспоминанія въ его извѣстномъ стихотвореніи 19 октября 1825, напечатанномъ первоначально въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1827 годъ (стр. 342), и вошедшемъ въ собраніе его сочиненій (изд. 1838 г. Т. III, стр. 18). Вотъ седьмая строфа этого стихотворенія:

«Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ, —
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
Сростаясь онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастье куда бы ни повело,
Все тѣ же мы...»

Слѣдовательно, воспоминанія о Лицеѣ одинаково отрадно дѣйствовали на обоихъ поэтовъ: оба они завидовали прошедшему, жалѣли о немъ и вспоминали о годахъ, проведенныхъ въ Царскомъ Селѣ, какъ о самомъ свѣтломъ времени жизни.

Частная жизнь Дельвига, съ самого выпуска его изъ Лицея, отличалась лѣнностью и безпечностью. Его добродушная беззаботность въ отношеніи ко всему окружающему, еще въ Лицеѣ обратившая на себя вниманіе его товарищей и сдѣлавшая его лицомъ анекдотическимъ, развивалась съ каждымъ годомъ. Какъ съ именемъ каждаго лица, отдѣливагося отъ другихъ какою нибудь своеобразною особенностью, связано понятіе о его отличительныхъ свойствахъ, такъ съ именемъ

Дельвига нераздельно является представлением лъни, доведенной до эксцентричности. Дельвигъ чувствовалъ, что, благодаря этому качеству, онъ обращаетъ на себя вниманіе, и потому не только не старался ограничивать своихъ лънивыхъ наклонностей, но даже иногда рисовался своею лънью и беззаботностью. Вообще, быть лънивымъ и безпечнымъ считалось въ то время какъ бы необходимою принадлежностью поэта. Мнѣніе это и соответственное ему литературное направленіе, особенно выразившееся въ подражаніяхъ Анакреону, Горацию, Катуллу и Тибуллу, поэтамъ, между прочимъ, спокойствія и безпечности, обуславливались взаимно. Уже давно отжившее и осмѣянное вліяніе французской литературы ограничивалось только элегическимъ направленіемъ: беззаботные Шенье и особенно Парни не разъ служили образцами для нашихъ поэтовъ; псевдоклассицизмъ смѣнялся псевдоромантизмомъ, и, подчиняясь этимъ разностороннимъ вліяніямъ, большая часть нашихъ поэтовъ, и преимущественно Батюшковъ, князь Вяземскій, Денисъ Давыдовъ, Пушкинъ, Баратынскій, Языковъ и многіе другіе поэты, подражатели подражателей, цеголяли другъ передъ другомъ, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, своею лънью и мечтательною безпечностью.

Указаніе въ этомъ отношеніи фактовъ (т. е. приведеніе стихотвореній или ссыла на нихъ) повело бы насъ слишкомъ далеко; притомъ же большая часть изъ нихъ, безъ сомнѣнія, уже извѣстны читателямъ; нѣкоторые же будутъ приведены ниже (*).

Это общее литературное направленіе, это стремленіе къ лъни и бездѣйствію (разумѣется, повторяемъ, болѣе на бумагѣ) прекрасно выражено княземъ Вяземскимъ въ посланіи къ «Графу Чернышеву въ деревню» («Мнемозина» 1824 года, часть I). Вяземскій отвѣчаетъ на слѣдующій ему упрекъ въ лъности и бездѣйствіи и оканчиваетъ свое посланіе слѣдующими строками, поразительно-вѣрными своему времени:

«Опомнись, графъ, иль надо мною
Ты насмѣхаться перестань, —
За лънь я заслужилъ — не скрою —
Признательности общей дань.
Сещлюсь на всѣхъ: весь свѣтъ свидѣтель,
Что твой безсовѣстенъ упрекъ,
И что въ нашъ дѣятельный вѣкъ
Лънь — не порокъ, но добродѣтель.»

(*). Считаю, однакожъ, не лишнимъ указать пропущенное въ смирдинскомъ «Подномъ Собраніи Сочиненій Русскихъ Авторовъ» посланіе Д. Давыдова къ Е. О. С — ну (написанное въ Дрезденѣ, въ 1814 г., и напечатанное въ «Сиріусѣ», собраніи сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, изданномъ М. А. Бесуглевымъ-Рюмнымъ въ 1826 году, книжка первая, стр. 71).

Какъ скоро и какъ сильно привилось это направленіе къ лицейскимъ поэтамъ, читатели могутъ судить отчасти по нѣкоторымъ приведеннымъ въ нашей первой статьѣ о Дельвигѣ (Современникъ 1853 г., № II, Критика, стр. 79, 80, 81, 82 и 83) стихотвореніямъ Пушкина. Для желающихъ еще болѣе удостовѣриться въ справедливости сказаннаго нами, укажемъ еще нѣсколько произведеній Пушкина, напечатанныхъ въ IX томѣ его сочиненій, въ отдѣлѣ лицейскихъ стихотвореній, слѣдовательно относящихся къ тому же времени — къ началу его поэтической дѣятельности. Вотъ они: «Къ ней» (стр. 310); «Сну», стихотвореніе, напечатанное въ одномъ и томъ же томѣ два раза: въ первый — подъ заглавіемъ «Сну» (стр. 318), а во второй — подъ заглавіемъ «Къ Морфею» (стр. 390), съ пропускомъ, сравнительно съ прежнимъ, первыхъ пяти строкъ и перемѣною въ шестой, въ какомъ видѣ и явилось въ одномъ изъ альманаховъ на 1824 годъ подъ этимъ же заглавіемъ; *Любовь одна веселье жизни хладной...* (исполненная граціи элегія безъ заглавія, стр. 319); «Моск. завѣщаніе друзьямъ» (стр. 355); «Къ Г...у» (Галичу, стр. 400); «Мечтатель» (стр. 403); «Къ П...у» (Пушину, стр. 407), и «Городокъ» (стр. 410), стихотвореніе, перепечатанное, какъ уже сказано въ нашей первой статьѣ (стр. 78), съ значительными пропусками, изъ «Россійскаго Музеума», изд. Владиміромъ Измайловымъ въ 1815 году.

Но еще опредѣлительнѣе, еще яснѣе высказалось это направленіе въ стихотвореніи «Сонъ» (отрывокъ, стр. 301), въ которомъ Пушкинъ, предоставляя другимъ гоняться за счастьемъ и славою, воспѣваетъ сонъ — этотъ «безцѣнный даръ Морфея», и научаетъ друзей своей музы наслаждаться какъ должно этимъ даромъ. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этого стихотворенія, вполне объясняющихъ сказанное нами:

«Приди, о лънь! приди въ мою пустыню!
Тебя зовутъ прохлада и покой;
Въ одной тебѣ я зрю свою богиню;
Готово все для гостыи молодой.»

(Стр. 301.)

«Вотъ мой диванъ! придижъ въ обитель мира,
Царицей будь, я плѣнникъ нынѣ твой.
Учи меня, води моею рукой,
Все, все твое: вотъ краски, кисть и лира!»

(Стр. 302.)

«Мы спать хотимъ, любезные друзья!
Стократъ блаженъ, кто можетъ сномъ забыться
Вдали столицъ, каретъ и пѣтуховъ!»

(Стр. 304.)

« Душевныхъ мукъ волшебный исцѣлитель,
 Мой другъ Морфей, мой давній утѣшитель!
 Тебѣ всегда я жертвовать любилъ,
 И ты жреца давно благословилъ. »

(Стр. 307.)

Дельвигъ въ этомъ отношеніи, и, разумѣется, только въ одномъ этомъ, далеко превзошелъ своего знаменитаго друга. Онъ даже остался вѣренъ до смерти этому направленію, между тѣмъ какъ другіе современные ему поэты освобождались отъ него съ каждымъ годомъ.

Жизнь писателя, какъ и вообще всякая дѣятельность въ чистомъ умственной сферѣ, рѣдко отличается вѣщными происшествіями, но она иногда видна въ его сочиненіяхъ, и въ настоящемъ случаѣ, за неимѣніемъ достаточнаго количества фактовъ, мы обратимся къ этому источнику. Притомъ же « слова поэта суть уже дѣла его », какъ говоритъ Пушкинъ.

Свой идеалъ жизни, разумѣется, опозитивированный, Дельвигъ выразилъ въ стихотвореніи «Тихая жизнь», напечатанномъ въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности» (ч. X, стр. 87), съ подписью — А —. Это стихотвореніе пропущено въ изданіи г. Смирдина, и потому приводимъ его вполнѣ:

« Блаженъ, кто за рубежъ наслѣдственныхъ полей
 Ногою не шагнетъ, мечтой не унесется;
 Кто дышетъ въ родинѣ, и съ милою своею
 Какъ весело заснетъ, такъ весело проснется;
 Кто молоко отъ стада, хлѣбъ съ нивы золотой
 И мягкую волну съ своихъ овецъ собираетъ;
 Кому домашній дубъ въ огнѣ трещитъ зимой,
 И сонъ прохладою въ день лѣтній навѣваетъ. »

Спокойно цѣлый вѣкъ проводитъ онъ въ трудахъ,
 Полета быстрого часовъ не примѣчая;
 Устанетъ наконецъ, и съ думой о друзьяхъ
 Предастся смерти онъ, приятно засыная.
 Такъ жизнь и Дельвигу тихонько провести!
 Умру — и скоро всѣ забудутъ о поэтѣ.
 Что нужды? я блаженъ; я живши могъ найти
 Въ безвѣстности покой и счастье въ Лилетѣ. »

Въ этомъ идеалѣ жизни, — идеалѣ невысокомъ, и потому достигнутомъ, — Дельвигъ выразилъ свои воззрѣнія на жизнь, которымъ не измѣнялъ никогда, свои требованія отъ жизни, свой отличительный характеръ.

Почти такой же идеалъ жизни, съ прибавленіемъ только веселья и дружбы, находимъ и въ другомъ стихотвореніи Дельвига, подъ заглавіемъ «Мой домикъ»:

За далью туманной,
 За дикой горой
 Стоитъ надъ рѣкой
 Мой домикъ простой.
 Для знати жеманной
 Онъ запертъ ключемъ,
 Но горенку въ немъ
 Отвелъ я веселью,
 Любви и бездѣлю:
 Они берегутъ.
 Мой скромный пріютъ.
 Дана имъ свобода
 Въ кустахъ огорода,
 На злакѣ луговъ
 И древнихъ дубовъ,
 Въ тѣни молчаливой,
 Гдѣ, струйкой игривой
 Сверкая, бѣжитъ,
 Бѣжитъ и журчитъ
 Ручей пограничный —
 Съ заботой привѣчной
 Порхать и летать,
 И пѣсню сладкой
 Въ мой домикъ укладкой
 Друзей прикликать. » (*)

Этотъ безцвѣтный, непривлекательный идеалъ жизни поэта, жизни вѣдъ всякаго мѣста и времени, удовлетворялъ, однакожь, невзыскательнымъ современнымъ требованіямъ. Въ «Атенеѣ» 1828 года, изд. Михаиломъ Павловымъ, находимъ аллегорическую статью В. Оболенскаго, подъ заглавіемъ «Талантъ и Случай» (часть II, № 5, стр. 86), — статью забавную по своей непритворной наивности. Содержаніе ея состоитъ въ томъ; что Талантъ встрѣтился съ Случаемъ, и они стали странствовать вмѣстѣ по свѣту; но Талантъ скоро распрощался съ своимъ спутникомъ, потому что «не хотѣлъ

(*) Стихотвореніе это было первоначально напечатано въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» («Совѣтователь») 1822 г., ч. XVIII, стр. 351, съ подписью — А. — Въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига оно напечатано подъ заглавіемъ «Домикъ»: въ первомъ изданіи на стр. 95, а въ смирдинскомъ — на стр. 69, съ замѣною въ шестой строкѣ слова *запертъ* словомъ *замкнутъ*.

быть игрушкою Случая», и не нашелъ лучше мѣста, чтобъ поселиться, какъ.... гдѣ бы вы думали?...

«За далью туманной,
За дикою горой....» и т. д.

Почти такую же неудачную вариацию на ту же тему представляетъ слѣдующее стихотвореніе, подъ заглавіемъ «Моя хижина», еще нигдѣ неапечатанное:

«Когда я въ хижинѣ моей
Согрѣтъ подъ стеганымъ халатомъ....
Гляжу съ улыбкою въ окно:
Вотъ мой ручей, мои посѣвы,
Изъ гроздій брызжетъ тутъ вино,
Тамъ птицъ домашнихъ полны хлѣвы;
Въ водѣ глядится тучный волъ,
Телицъ протяжно призывая, —
Все это въ праздничный мой столъ
Жена украситъ молодая.
А вы, моихъ безпечныхъ лѣтъ
Товарищи въ весельи, въ горѣ, —
Когда я просто былъ поэтъ,
И свѣта не пускался въ море....
Усадьтесь безъ чиновъ со мной,
Къ бокаламъ протяните руки,
Старинны пѣсни запоемъ,
Отрѣжемъ крылья у веселья,
Поговоримъ о томъ, о семъ
Краснорѣчивые съ похмѣльемъ!»

Убѣжденія Дельвига находимъ еще въ слѣдующемъ стихотвореніи, написанномъ «Въ альбомъ А. Н. В.—фъ», которое было напечатано въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1827 годъ (стр. 329) и перепечатано въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига (въ первомъ — на стр. 27, а въ смирдинскомъ — на стр. 17):

«Въ судьбу я вѣрю съ юныхъ лѣтъ.
Ея внушеніямъ покорный....
Но увлеченъ былъ мыслью вздорной,
Мнѣ объявившей: ты поэтъ.

Всегда въ пути моемъ тяжеломъ
Судьба мнѣ спутницей была,
Она мнѣ душу отвела
Въ пріютъ дружества веселомъ,
Гдѣ васъ узналъ я, гдѣ ясніи
Моя душа заговорила,

И блескъ Гименовыхъ свѣчей
Пророчественно полюбила.
Такъ при уходѣ зимнихъ дней,
Какъ солнце взглянетъ взоромъ вешнимъ,
Еще до зелени полей
Весны пѣвица въ край здѣшнемъ
Плѣняетъ пѣсню своей.»

Чисто эпикурейское воззрѣніе на жизнь и природу, составляющее отличительный характеръ большей части мелкихъ стихотвореній Дельвига, всего опредѣлительнѣе выразилось въ его неизданномъ посланіи къ Евгенію Баратынскому, написанномъ по случаю прѣзда его въ Петербургъ и приводимомъ ниже, и въ слѣдующемъ неизданномъ стихотвореніи:

ВЪ ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНЬЯ.

«Съ годомъ двадцать мнѣ прошло!
Я ширю, други, съ вами,
И шампанское въ стекло
Льется пѣнными струями.
Дай намъ, благостный Зевесъ,
Встрѣтить новый вѣкъ съ бокаломъ!
О, тогда съ земли, безъ слезъ,
Смерти мирнымъ покрываломъ
Завернувшись, мы уйдемъ,
И за мрачными брегами
Встрѣтятся съ милыми тѣнями,
Тѣнь Ли себя нальемъ.»

Вотъ еще небольшой, неизданный отрывокъ, найденный на отдѣльномъ листкѣ и, по направленію, весьма сходный съ только что приведеннымъ стихотвореніемъ:

«Мы весело свои кончали дни!
Что до чужихъ? пускай летятъ они,
Въ двухъ сторонахъ экваторъ разсѣкая!
Но мы бѣ друзей подъ вечеръ оставляя,
Фортуны вслѣдъ не думали бѣжать.»

Этому взгляду на жизнь вполне соответствовала и взглядъ на значеніе поэта, выраженный въ неизданномъ стихотвореніи *Поэтъ*. Основная мысль его заключается въ томъ, что поэтъ блаженъ въ самомъ себѣ.

Приведенныя нами стихотворенія достаточно объясняютъ воззрѣнія Дельвига. Постараемся объяснить тѣмъ же путемъ его личный характеръ и наклонности, независимо отъ его убѣжденій.

Главною, отличительною чертою характера Дельвига были, как уже сказано выше, лѣнность и беззаботность, вполне соответствовавшія его эпикуреизму.

На основаніи этого отличительнаго свойства своей природы, Дельвигъ, въ авто-эпитафій, написанной въ альбомѣ покойному Илличевскому, такъ опредѣлилъ значеніе своей жизни:

«Что жизнь его? протяжный сонъ.

Что смерть? отъ грезъ ужасныхъ пробужденіе.... (*)

Ту же самую мысль находимъ и въ слѣдующей авто-эпитафій (экспромтъ), нигдѣ не напечатанной:

«Прохожій! здѣсь лежитъ философъ человѣкъ:

Онъ проспалъ цѣлый вѣкъ.»

Довольство въ жизни и даже счастье нашего поэта не требовало невозможныхъ или трудно достигаемыхъ условій: оно вполне зависѣло отъ него, обуславливаясь только беззаботностью и сибаритствомъ, и потому, не безъ нѣкотораго основанія, можно видѣть искренность въ слѣдующей эпитафій къ самому себѣ, напечатанной въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности» 1821 года, (ч. XIII, стр. 385), и пропущенной въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига:

«Завидуйте моей судьбѣ!

Меня счастливицы не искали,

Я вѣкъ не думалъ о себѣ,

А не видалъ въ глаза печали.»

Впрочемъ, въ стихотвореніяхъ Дельвига, несмотря на субъективность многихъ изъ нихъ, такъ мало дѣйствительно пережитаго и почувствованнаго, онъ такъ часто радуется своему счастью и въ то же время жалуется на свое несчастье, что весьма трудно опредѣлить, на основаніи ихъ, степень нравственнаго довольства и состояніе души поэта въ данное время.

Такую же систематическую беззаботность, такое же постоянное поклоненіе Морфею, этому волшебному исцѣлителю душевныхъ мукъ, какъ называетъ его Пушкинъ, встрѣчаемъ и въ слѣдующемъ неизданномъ стихотвореніи Дельвига:

(*) Эта эпитафій написана въ альбомѣ Илличевскому подъ заглавіемъ «Эпитафій Дельвигу», съ подписью — Д.—, и сообщена автору этой статьи братомъ покойнаго поэта П. Д. Илличевскимъ. Она была напечатана, съ нѣкоторыми исправленіями, въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 года (часть I, мартъ, стр. 62) и въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига, подъ заглавіемъ «Эпитафій»: въ первомъ — на стр. 130, а въ смиренскомъ — на стр. 97.

Въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига она измѣнена.

ЛЕКАРСТВА ОТЪ НЕСЧАСТІЙ.

«Если мнѣ объявятъ боги:
«Здѣсь ты горе-будешь пить!»
Я скажу: «вы очень строги,
Но я все жъ останусь жить.»

Горько мнѣ? я раздѣляю
Слезы съ милой въ тишинѣ....

Мнѣ великую науку
Дѣдъ мой докторъ завѣщалъ:
Дружбою, онъ пишетъ, скуку
И печаль я исцѣлялъ;

Отъ любви лечилъ несчастной
Состарѣвшимся виномъ;
Вообще же безопасно
Всѣ лечить несчастья сномъ.»

Въ неизданномъ стихотвореніи («Къ Ласточкѣ») поэтъ жалуется на докучную ласточку, будившую его своимъ крикомъ каждое утро,

«едва зарумянится
Небо алой зарей, и бѣдная Цинтія
Тамъ, въ туманы покатится.»

А это любимое
Время рѣзвыхъ дѣтей Морфея, цѣлительный
Сонъ на смертныхъ люющаго.

Ихъ крылатой толпѣ Зефиры предшествуютъ,
Съ ними самъ Купидонъ летаетъ къ любовникамъ
Образъ милыхъ казать, и счастьемъ мечтательнымъ
Тѣшить жертвы Кипридины.»

Если нужны постороннія письменныя свидѣтельства о характерѣ и наклонностяхъ Дельвига, то приводимъ стихотвореніе П. А. Плетнева подъ заглавіемъ «Стансы къ Д***» («Сѣверные Цвѣты» на 1826 годъ, стр. 12), — стихотвореніе, въ которомъ мѣтко обрисованъ нашъ беззаботный поэтъ:

«Д***, какъ бы съ нашей лѣнью
Хорошо въ деревнѣ жить,
Подъ наслѣдственною сѣнью
Липецъ прадѣдовскій пить;

Беззаботно въ полдень знойный
Отдыхать въ саду густомъ;
Вытти подъ вечеръ спокойный
Передъ сладкимъ долгимъ сномъ!»

Ждать по утру на постелѣ,
Не зайдетъ ли муза къ намъ;
Позабыть всѣ дни въ недѣлѣ
Называть по именамъ,

И съ любовью неревнивой,
Безъ чиновъ и безъ хлопотъ,
Какъ въ Сатурновѣ вѣкъ счастливый,
Провожать за годомъ годъ.»

Образъ жизни и наклонности Дельвига едва ли преувеличены въ этомъ стихотвореніи. Дѣйствительно, онъ любилъ лежать на постели, и проводилъ иногда въ этомъ ожиданіи цѣлые дни. Дельвигъ вообще спалъ необыкновенно много. Однажды, вообразивъ, что онъ страдаетъ бессонницей, Дельвигъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ лицейскихъ товарищей, принялъ опіуму. Пріятели проспали безъ просыпу болѣе двухъ сутокъ, проснувшись отравились къ Рахмановой, теткѣ Дельвига, и уже тамъ узнали объ этомъ (*).

Эта слабая сторона Дельвига, придававшая ему въ пріятельскомъ кружкѣ какой-то поэтической, отличительный характеръ, не разъ давала его недоброжелателямъ, которыхъ даже и у Дельвига было много, поводъ къ ожесточеннымъ насмѣшкамъ. Въ числѣ многочисленныхъ эпиграммъ, написанныхъ на Дельвига, нѣкоторыя исключительно направлены на его лѣнь и сонливость.

Въ «Благонамѣренномъ» 1822 года, извѣстномъ своею ненавистью къ ново-романтической школѣ и вообще ко всѣмъ новымъ дарованіямъ, явилась (часть XIX, стр. 446) слѣдующая «Эпитафія баловню-поэту» — прозвище, подъ которымъ, какъ увидимъ, не разъ былъ выводимъ Дельвигъ въ журналѣ Измайлова. Вотъ она:

«Его будили — нынѣ нѣтъ, —
Теперь-то счастливъ нашъ поэтъ.»

Это двустишіе подписано было буквами *Б. А. А. Д.* (т. е. *Баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ*), долженствовавшими еще опредѣлительнѣе указать лицо, противъ котораго была направлена насмѣшка. Многие думали даже, основываясь на этой весьма ясной подписи, что эпитафія написана самимъ Дельвигомъ; но въ то время онъ находился въ отношеніяхъ далеко недружественныхъ къ издателю «Благонамѣреннаго», и потому не участвовалъ въ его журналѣ.

Со времени появленія, въ 1820 году, «Руслана и Людмилы» Пушкина, поэмы, положившей основаніе новой романтической школѣ,

(*) Сообщено кн. Д. А. Э.

«Благонамѣренный» и за нимъ цѣлая фаланга писателей стали во враждебное положеніе къ этой, уже овладѣвшей общимъ вниманіемъ школѣ. Слѣдовательно, даже по этимъ отношеніямъ Дельвигъ съ 1820 года не могъ участвовать въ «Благонамѣренномъ»; притомъ же онъ никогда не подписывался такимъ образомъ и, по направленію эпитафіи, не подписалъ бы подъ нею даже начальныхъ буквъ своего имени и фамиліи. Эпитафія, несмотря на убѣдительную подпись, принадлежитъ не Дельвигу, какъ намъ достоверно извѣстно.

Въ той же части «Благонамѣреннаго» (1822 года, часть XIX, стр. 512) находимъ не лишнюю остроумія слѣдующую надпись

КЪ ПОРТРЕТУ NN.

«Онъ, говорятъ, охотникъ спать —
Однакожь въ сто одномъ посланъ
Онъ доказать имѣлъ желанье,
Что онъ охотникъ усыплять.»

Стихотвореніе это явилось съ подписью *Д.*, для большаго еще вразумленія читателей касательно цѣли.

А. Д. Галаховъ, при обзорѣ «Благонамѣреннаго», въ статьѣ объ Измайловѣ (Современникъ 1850 года, № XI), приводитъ объ эпиграммѣ и проситъ обратить вниманіе на подпись именъ сочинителей (стр. 28 и 29). Исполняя желаніе почтеннаго автора, можемъ утвердительно сказать, что надпись къ портрету сочинена не Дельвигомъ, что намъ извѣстно изъ самаго достовернаго источника, т. е. отъ самого автора; эпитафія же принадлежитъ или Измайлову, или, что гораздо вѣроятнѣе, тому же автору.

Въ «Литературныхъ Листкахъ» 1824 года, журналѣ нравовъ и словесности, изданномъ г. *Ф. Булгаринимъ*, находимъ (№ XI и XII, въ одной книжкѣ, стр. 418) «Отрывокъ изъ письма лѣнливаго къ дѣятельному», съ подписью *С...въ*. Лѣнь въ этомъ «Отрывкѣ» (на двухъ страницахъ) выражена такими общими чертами, что не можемъ сказать утвердительно, имѣлъ ли авторъ въ виду Дельвига, или кого другого, и потому, не опираясь на этотъ фактъ, внесимъ его въ нашъ рассказъ подъ большимъ сомнѣніемъ. Но, чтобы читатели могли сами судить объ этомъ «Отрывкѣ», приводимъ изъ него нѣсколько строкъ:

«Ты удивляешься, любезный другъ, что я всегда исполняю свои обязанности, а въ домашней жизни лѣнивъ до такой степени, что ты всегда застаешь меня лежащимъ. Мы различно опредѣляемъ лѣнь. Признаюсь, что принятый мною образъ жизни есть плодъ моихъ разсужденій: я нахожу, что горизонтальное положеніе есть самое нату-

ральное для человеческого тѣла, и что всякое другое — есть искусственное, требующее напряжения.» (Стр. 413.)

Далѣе авторъ говоритъ :

«Честолюбіе указываетъ мнѣ вѣнцы, пышность славы; корыстолюбіе осыпаетъ меня золотомъ, предлагаетъ средства приобрести оное; любовь сквозь полупрозрачную завѣсу показываетъ мнѣ юную Аспазію, развиваетъ ея кудри, рисуетъ легкой станъ, розовыя уста. Всѣ эти призраки манятъ меня къ себѣ; стремлюсь — но разсудокъ бодрствуетъ, онъ говоритъ мнѣ: ложись — и мечты засыпаютъ.» (Стр. 414.)

Судя даже по этимъ безцвѣтнымъ отрывкамъ, гораздо вѣроятнѣе, что это одно изъ весьма обыкновенныхъ въ то время сочиненій на заданную тему, состоявшую въ томъ, чтобы показать противоположности двухъ характеровъ: дѣятельнаго и лѣниваго, и едва ли кого нибудь имѣлъ въ виду авторъ письма. Во всякомъ случаѣ онъ не достигъ своей цѣли.

Служебное поприще Дельвига было неблестительно.

Мы прослѣдимъ теперь же всю его службу, чтобы болѣе не возвращаться къ этому предмету.

Дельвигъ началъ службу въ Департаментѣ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ 6 июля 1817 года ⁽¹⁾, съ жалованьемъ по 700 рублей ассигнаціями въ годъ ⁽²⁾. Поэтъ нашъ былъ плохимъ чиновникомъ: литературное направленіе овладѣло имъ исключительно, и хотя служба не отнимала у него много времени, но Дельвигъ года черезъ полтора, именно 28 февраля 1819 года, вышелъ въ отставку. ⁽³⁾ Скудные средства его не позволяли ему жить независимо, и потому черезъ мѣсяцъ, именно 2 апрѣля того же года, онъ опредѣлился въ Канцелярію Министерства Финансовъ ⁽⁴⁾ и болѣе года состоялъ въ ней по третьему ея отдѣленію. 16 августа 1820 года онъ былъ произведенъ за выслугу лѣтъ въ титулярные совѣтники, а 1 октября 1821 года уволенъ изъ Канцеляріи Министерства Финансовъ, по прошенію. Съ сентября 1820 года Дельвигъ частнымъ образомъ занимался въ Публичной Библиотекѣ и исправлялъ обязанности помощника бібліотекаря. ⁽⁵⁾

⁽¹⁾ Формулярный списокъ о службѣ Дельвига 1829 года.

⁽²⁾ «Связь Отечества» 1817 года, № XXVI, Сибѣс.

⁽³⁾ Формулярный списокъ Дельвига.

⁽⁴⁾ Тамъ же.

⁽⁵⁾ Тамъ же.

Въ Воспоминаніи о Дельвигѣ (*Wspomnienie o Delwigu*) небольшой, но наполненной ошибками, статейкѣ въ «Tygodnik petersburski» (Сзѣсѣ III, № 9, гокъ 2 (1831), Wtorek 3 Lutego, стр. 66), сказано: «Wziąwszy nauki w liceum Carsko-Sielskiem, wszedł do służby publicznej w lutejszej Cesarskiej bibliotece», т. е.: «по окончаніи курса въ Царскосельскомъ Лицеѣ, онъ поступилъ на службу въ дѣльвинскую Императорскую Библиотеку.» Мы видѣли сейчасъ, что это это не-вѣрно и что Дельвигъ началъ службу въ Министерствѣ Финансовъ.

Публичная Библиотека, открытая 2 января 1814 года, по своему личному составу въ то время, была лучшею представительницею современнаго просвѣщенія и литературы. Директоромъ Библиотеки тогда былъ покойный статсъ-секретарь и членъ Государственнаго Совѣта А. Н. Оленинъ, а помощникомъ ему съ 1812 года былъ назначенъ бывшій послѣ министромъ народнаго просвѣщенія, нынѣ президентъ Академіи Наукъ, графъ С. С. Уваровъ. Корреспондентами нашей словесности: Крыловъ, Батюшковъ, Гнѣдичъ и Загоскинъ, долго были въ ней бібліотекарями. Изъ нихъ Батюшкова и Загоскина Дельвигъ не засталъ въ Публичной Библиотекѣ: первый въ 1812 году вступилъ снова въ военную службу и, увлеченный политическими событіями, участвовалъ въ походахъ 1813 и 1814 годовъ; въ 1816 былъ уволенъ отъ военной службы, а съ 1818 года находился нѣсколько лѣтъ въ Неаполѣ при русскомъ посольствѣ ⁽¹⁾; второй оставилъ службу въ Библиотекѣ и перѣхалъ; по семейнымъ обстоятельствамъ, въ Москву мѣсяца за два до поступленія Дельвига въ Библиотеку. ⁽²⁾ Кромѣ ихъ въ Библиотекѣ служили: первый русскій бібліографъ Сопиковъ, извѣстные наши филологи А. Х. Востоковъ и Н. И. Гречъ, покойный лексикографъ Эртель ⁽³⁾, переводчикъ «Ифигеніи» и «Федры» Расина, покойный академикъ Лобановъ, и первый поощритель музыки Крылова, содержатель типографіи и книгопродавецъ-издатель Брейткопфъ, которому Крыловъ продалъ свое первое произведеніе, написанную имъ на пятнадцатомъ году оперу «Кофейницу». ⁽⁴⁾ Въ этотъ кругъ современныхъ литературныхъ и ученыхъ знаменитостей былъ введенъ и Дельвигъ.

⁽¹⁾ «Опытъ краткой исторіи русской литературы», стр. 377 и 378.

«Энциклопедическій Лексиконъ.» Т. V, статья о Батюшковѣ В. Т. II. (Плаксива), стр. 96.

«Полная Русская Хрестоматія» А. Д. Галахова. Часть III. Примѣчанія ко второй части, стр. 73 и 74.

⁽²⁾ «Биографія Михаила Николаевича Загоскина» С. Т. А—ва («Москвитинъ» 1853 г. № I. Кн. 1). Замѣтимъ кстати, что на стр. 30 этой біографіи сказано, что въ 1820 году, въ іюнь, Загоскинъ по семейнымъ обстоятельствамъ перѣхалъ въ Москву, гдѣ и продолжалась вся остальная литературная его дѣятельность, а на стр. 27 той же біографіи читаемъ, что 5-го іюля 1820 года (т. е. уже послѣ перѣзда въ Москву) онъ оставилъ службу въ должности штатнаго помощника бібліотекаря. Когда же онъ въ самомъ дѣлѣ оставилъ службу и перѣхалъ въ Москву, и какъ объяснить это противорѣчіе?

⁽³⁾ «Путеводитель по Императорской Публичной Библиотекѣ.» Спб. 1852 г. Стр. 18.

⁽⁴⁾ «Жизнь и сочиненія Ивана Андреевича Крылова», П. А. Плетнева, стр. XI, XIV и LIII.

Замѣтимъ кстати, что Публичная Библиотека открыта не въ 1812 году, какъ говорить въ своей статьѣ П. А. Плетневъ, а въ 1814, какъ сказано выше. Въ 1812 г. дѣйствительно все было готово къ открытію Библиотеки, какъ вдругъ нашествіе

2 октября 1821 года Дельви́гъ былъ окончательно опредѣленъ въ Публичную Библиотеку помощникомъ библиотекаря, а 17 января 1822 года, съ разрѣшенія Комитета Министровъ, по представленію начальства Библиотеки, награжденъ единовременно выдачею изъ экономической суммы Библиотеки 1000 рублей ассигнаціями, за исправленіе, въ продолженіе года и одного мѣсяца, порученныхъ начальствомъ Библиотеки трудовъ до опредѣленія его въ должность помощника библиотекаря. (*) Дельви́гъ по своимъ занятіямъ въ Библиотекѣ былъ помощникомъ И. А. Крылова, занимавшимъ въ то время, послѣ Сопикова, должность библиотекаря русскаго отдѣленія. Но Дельви́гъ былъ плохимъ помощникомъ въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, а особенно въ такомъ, гдѣ трудолюбіе и аккуратность — первыя условія. О степени дѣятельности нашего поэта въ этой сферѣ можемъ судить по слѣдующимъ строкамъ въ статьѣ П. А. Плетнева «Жизнь и сочиненія Ивана Андреевича Крылова»: «Особенно началъ хлопотать Крыловъ по своей должности, когда опредѣлился къ нему въ помощники баронъ Дельви́гъ, столь же безпечный чиновникъ, сколько былъ онъ и безпечнымъ поэтомъ. Крыловъ скоро догадался, что прошли для него счастливыя годы, какими онъ былъ обязанъ смѣшности и трудолюбію Сопикова. Это однако же не довело до ссоры двухъ поэтовъ, равно лѣнивыхъ, но равно и уважавшихъ другъ въ другѣ истинное дарованіе. По возможности они кое-какъ несли вмѣстѣ общее бремя.» (Стр. LXIV.)

Крыловъ, которому было тогда уже пятьдесятъ-два года, полюбилъ молодого поэта, и сохранилъ постоянное къ нему расположеніе. Доказательствомъ этого расположенія можетъ служить дѣятельное участіе его въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», издававшихся впоследствии Дельви́гомъ, въ которыхъ, кромѣ шести басенъ (именно «Муха и Пчела», «Богачъ и Поэтъ», «Прихожанинъ», «Бритвы»,

непріятеля измѣнило всѣ предположенія. Послѣ вторженія въ Россію французовъ и быстрого приближенія ихъ къ Москвѣ, стали думать уже не объ открытіи Библиотеки, а только о спасеніи ея сокровищъ. Всѣ рукописи и рѣдкія или болѣе цѣнныя книги, числомъ до 150,000 томовъ, были укупорены въ 180 огромныхъ ящиковъ, и въ сентябрѣ 1812 года отправлены водою съ подбиблиотечаремъ Сопиковымъ (извѣстнымъ составителемъ перваго у насъ по времени библиографическаго труда: «Опытъ россійской библиографіи») въ Олонецкую губернію, гдѣ и оставались въ деревнѣ Устланкѣ около трехъ мѣсяцевъ. Разборъ и новая установка возвращенныхъ книгъ и рукописей, требовавшіе немало времени, а также окончательныя работы въ зданіи Библиотеки приступили къ ея открытію не прежде 1814 года. Торжественное открытіе Библиотеки послѣдовало 2-го января, въ память посѣщенія ея Императоромъ Александромъ въ тотъ же день славнаго въ нашей исторіи года. («Путеводитель по Императорской Публичной Библиотекѣ», стр. 19 и 20).

(*) Формулярный списокъ Дельви́га.

«Бѣдный Богачъ» и «Пушки и Паруса»); помѣщены еще: «Посланіе къ А. Н. Оленину» и «Эпитафія» — исключеніе, сдѣланное только въ пользу Дельви́га, потому что, со времени «Посланія о пользѣ страстей» («Драматическій Вѣстникъ» 1808 года), Крыловъ не давалъ въ печать ничего кромѣ басенъ.

Служба въ Публичной Библиотекѣ давала Дельви́гу прекрасный случай довершить свое литературное образованіе и вѣрнымъ путемъ труда и науки итти къ достиженію сознательной цѣли. Не можемъ сказать, чтобы Дельви́гъ вполне воспользовался этимъ случаемъ; но занятія въ Библиотекѣ, безъ сомнѣнія, имѣли нѣкоторое вліяніе на его музу: въ произведеніяхъ его стало яснѣе высказываться опредѣленное направленіе; антологія и романсы были оставлены для идиллій, требовавшихъ уже болѣе основательнаго знакомства съ классическимъ міромъ, и даже въ отношеніи формы замѣтно менѣе снисходительности. (1)

Прослуживъ около пяти лѣтъ въ Публичной Библиотекѣ, Дельви́гъ снова оставилъ службу, и 29 мая 1825 года былъ уволенъ изъ Библиотеки, по прошенію, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ. По истеченіи двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ отставкѣ, Дельви́гъ опредѣленъ былъ, 31 іюля того же года, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ для особыхъ порученій. По Высочайшему именному указу, данному Правительствующему Сенату 6 декабря 1826 года, Дельви́гъ пожалованъ въ коллежскіе ассесоры со старшинствомъ со времени выслуги въ чинѣ титулярнаго совѣтника узаконеннаго срока, т. е. съ 16 октября 1824 года. Въ февралѣ 1828 года Дельви́гъ былъ командированъ на слѣдствіе по заготовленію въ бывшей Слободско-Украинской губерніи провіанта для войскъ по высокимъ цѣнамъ. (2) Всю весну и большую часть лѣта этого года Дельви́гъ провелъ въ Южной Россіи, и, по окончаніи слѣдствія, въ іюль того же года, возвратился черезъ Москву въ Петербургъ. (3) На осно-

(1) Въ біографіи Дельви́га, помѣщенной въ «Дневникѣ Отечественныхъ Воспоминаній» 1840 года (выпускъ первый, январь, стр. 42), сказано, что Дельви́гъ «особенно умѣлъ воспользоваться назначеніемъ своимъ въ должность помощника библиотекаря Императорской Публичной Библиотеки; здѣсь онъ изучилъ все, что могъ и что питало и усиливало любовь его къ истинному и прекрасному, и сталъ литераторомъ въ достойномъ смыслѣ этого слова.» Значать ли что нибудь, и потому заслуживаютъ ли опроверженія подобныя этому общія мѣста, которыя приходится встрѣчать почти во всякой біографіи? Право, пора уже оставить старинное *de mortuis aut bene aut nihil*, благодаря которому всѣ біографіи становятся, какъ двѣ капли воды, похожими другъ на друга, и изъ нихъ никогда не узнаешь правды.

(2) Формулярный списокъ Дельви́га.

(3) Формулярный списокъ Дельви́га и «Московскій Телеграфъ», изд. Н. А. Полевымъ, 1828 года, часть 22. Разныя извѣстія, стр. 457.

